

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

“СТАЛИН И МАО СЛУШАЮТ НАС...”

В 1957 году, когда в Москве состоялось Международное совещание коммунистических и рабочих партий, мало кто сомневался в правильности выдвинутого на нём Мао Цзэдуном тезиса о том, что “ветер с Востока довлеет над ветром Запада”. Страны социалистического лагеря занимали уже две трети мировой территории, на которой проживало около 40 процентов населения мира. Бурно развивалось антиколониальное движение в Африке и Азии, руководимое преимущественно левыми силами, что сулило существенный прирост соцлагеря. Проамериканские диктатуры в Латинской Америке с великим трудом удерживали напор революционного движения – и на Кубе всё-таки спустя два года его не удержали. Да, “красный ветер” с Востока совершенно очевидно довлел над “белым ветром” с Запада. Почему же в конце XX века ветер с Востока сменился полным штилем, уступив место ветру с Запада? На этот счёт есть много мнений, но правильное, на мой взгляд, только одно: из-за разрыва СССР и КНР. Соцлагерь просто треснул пополам и былой силы уже не представлял. Более того: Советский Союз и Китай, продолжая конфронтацию с Западом, ощетинились оружием и друг против друга, чему я сам был свидетелем, поскольку с 1968-го по 1975 год проживал в гарнизонах Забайкальского военного округа. Какой уж тут ветер с Востока...

Но отчего произошёл столь быстрый разрыв СССР и КНР? Здесь тоже много мнений, и правильное тоже только одно. Союз между компартиями Советского Союза и Китая разрушил Хрущёв – маленький ушастый коротконогий человек, взобравшийся после смерти Сталина на вершину власти. А Брежнев не обладал стратегическим мышлением Сталина, чтобы содеянное Хрущёвым суметь исправить. Даже личные амбиции Мао Цзэдуна и пресловутая “культурная революция” сыграли здесь далеко не первую роль. Это всё ложь, сочиненная либеральными “китаеводами” из ЦК типа Ф. Бурлацкого. Прислушаемся к мнению врага – секретаря “дубчековского” ЦК КП Чехословакии Зденека Млынаржа, которому незачем врать, как врут бурлацкие и К^О. Хрущёв, по словам Млынаржа, “потерял Китай и Албанию и не сумел “вернуть в лагерь” Югославию. При Хрущёве Советская армия вышла из Австрии. Проводившаяся Хрущёвым десталинизация расшатала Польшу, Венгрию и Чехословакию, непослушание стала проявлять Румыния. Коммунистическое движение в странах вне сферы советского влияния стало заметно терять свой вес в качестве политического тыла Москвы. В этом смысле Хрущёв, бесспорно, ослабил имперские позиции Советского Союза”.

А вот что, по словам Дэн Сяопина, говорил на эту тему Мао Цзэдун 23 октября и 30 ноября 1956 года во время встреч с послом СССР: “Вы совсем от-

казались от такого меча, как Сталин, выбросили этот меч. В результате враги подхватили его, чтобы им убивать нас. Это равносильно тому, что “подняв камень, бросить его себе на ноги”.

Самое скверное, что Хрущёв *отдал врагам этот меч* исключительно ради борьбы за личную власть! В человеческую необходимость для Хрущёва разоблачений Сталина я категорически не верю. Никакого искреннего сожаления по поводу личного (и активного!) участия в репрессиях в пору своего руководства московской и украинской парторганизациями он никогда не высказывал, отделяясь оправданиями типа: “Все боялись, и я боялся”. Полагаю, тайна лежит в другой плоскости. Хрущёв не имел такой популярности в стране и такого международного авторитета, как, скажем, Молотов и Жуков. У него, обыкновенного и нечистого на руку партийного интригана, была одна возможность удержаться наверху: используя противоречия между членами Президиума ЦК и тягу к власти “второго эшелона” в партии, он стравливал и одного за другим отправлял в политическое небытие и противников, и бывших соратников. Июнь 1953 года – Берия; июнь 1957-го – Молотов, Маленков, Каганович, Первухин, Сабуров, Шепилов; октябрь 1957-го – Жуков; март 1958-го – Булганин; июль 1960-го – Ворошилов. К 1961 году вроде бы все были повержены, сталинские лагеря опустели... Можно бы, кажется, и расслабиться, и утверждать как автору Программы строительства коммунизма, но нет! На XXII съезде КПСС, официально посвящённом принятию новой Программы, снова развернулась антисталинская кампания, близкая уже к истерике (на предыдущем, XXI съезде, о Сталине почти ничего не говорилось). Рекомендую сравнить, сколько в съездовском отчёте слов о Программе и сколько – о Сталине... Половина на половину, наверное. И ведь ничего нового не было сказано по сравнению с закрытым докладом на XX съезде, зато компромата на Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова, Булганина – хоть отбавляй! Намёк более чем прозрачный: кто не со мной – тот “сталинист”!

Однако истеричный характер “десталинизации” насторожил не только противников и бывших соратников Хрущёва по ЦК, но и руководителей компартий Китая и Албании. Может быть, политика дискредитации Сталина не нравилась им лично как авторитарным владыкам? Не нравилась, конечно, но не могла являться основной причиной разрыва, потому что те деятели стран Варшавского договора, которые не возражали Хрущёву, тоже были авторитарными владыками. А сам Хрущёв – разве он не был авторитарным правителем, осмеливаясь при этом осуждать Сталина? Нет, скорее всего, Мао Цзэдуна и Энвера Ходжу искренне волновало то, что откровенно признал впоследствии деятель “пражской весны” Млынарж. В этой ситуации у Хрущёва оставалось два выхода: либо дать задний ход оголтелой “десталинизации” (“осадить коня на краю пропасти”, как говорили тогда в КПК), либо, напротив, расширить её, поведя борьбу уже с “культом личности” Мао и Ходжи. И он, будучи интриганом невысокого полёта, выбрал второе.

Именно немотивированные и истеричные нападки Хрущёва на Сталина и сталинскую эпоху были основной причиной полемики, развернувшейся между КПСС и КПК и приведшей к их разрыву. Удивительное дело: в нынешнее время, когда, казалось бы, никаких “белых пятен” в истории уже не осталось, мы до сих пор толком не знаем, кто именно был инициатором разрыва! Спросите у так называемых образованных людей, и большинство из них вам ответит, что всё началось в 1966 году с “культурной революции” в Китае. А другие, менее образованные, скажут, что с военного конфликта на острове Даманский в 1969 году. И то, и другое неверно. В 1963 году кампания против Мао в советской прессе далеко превосходила всё то, что печатали у нас о КНР в 1966–1969 годах. 4 февраля 1964 года газета ЦК КПК “Жэнминь жибао” дошло подсчитала: “По имеющимся данным, с 15 июля и до конца октября прошлого года на страницах 26 центральных советских газет и журналов было опубликовано в общей сложности 1119 редакционных статей, передовиц, комментариев, авторских статей, писем читателей и карикатур с прямыми нападками в адрес КПК и её руководителей товарищей Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и других. Что же касается местной советской печати, то, по неполным данным, за тот же самый период только на страницах 15 органов союзных республик было опубликовано 728 антикитайских материалов”. Китайский ответ скромнее – 10 статей в “Жэньминь жибао” и партийном журнале “Хунци”. Почему же об этом почти ничего нет, скажем, в книге Бурлацкого

о маоистском Китае? Потому что преступникам свойственно замечать следы преступлений. У пресловутой “десталинизации”, по-прежнему навязываемой нам, несмотря на неприятие её большинством граждан уже капиталистической России, есть ещё один, неназываемый грех: именно она и ничто другое помешала ветру с Востока одолеть ветер с Запада.

“Десталинизаторы” не любят вспоминать об этой полемике ещё и потому, что Хрущёв её с треском проиграл. Я уж не знаю, по какой причине, но в открытой дискуссии антисталинисты не могут одолеть сталинистов — мы это хорошо видим по нынешним теледебатам о Сталине. Оказывается, поражение их ждало и в первой такой полемике — после XX съезда КПСС. Да, это вам не доклады на закрытых заседаниях читать, без обсуждения! В 60–80-х годах прошлого века мы слышали только уничижительные отклики об идеологическом уровне маоистов: недоучки, сектанты, догматики, начётчики, изуверы... Два китайских материала из полемики 1963–1964 годов, приводимые ниже, решительно опровергают это. Я не коммунист и никогда им не был, но марксизм-ленинизм в советское время, как и всем, в институте мне приходилось изучать, и могу сказать уверенно: идеологи Мао знали в теории Маркса–Ленина больший толк, чем хрущёвские идеологи. Очевидно, товарищ Суслов (а он как главный партийный теоретик, безусловно, приложил руку к полемике) по всем параметрам уступал теоретику КПК Чэнь Бода, о котором стоить пренебрежительно писать бурлацкие. А как высмеивали так называемые “красные книжечки” — цитатники Мао? Но ведь у нас никто их не читал! Между тем, это дельно составленные дайджесты из статей и выступлений Мао. Если китайские студенты учились по ним, то я им завидую: нам приходилось штудировать толстые нудные книги по научному коммунизму. Да и сам Мао был человеком с собственными идеями, в отличие от большинства тогдашних коммунистических лидеров.

Китайские коммунисты, как и всякие коммунисты у власти, — не самые большие любители открытых дискуссий, но тут они настолько были уверены в своей правоте, что не боялись публиковать открытые письма ЦК КПСС в своей центральной печати. Напротив, хрущёвцы, видимо, были настолько в своей правоте не уверены, что ответы ЦК КПК в советских газетах не публиковали. “Жэньминь жибао” писала 4.02.1964: “Все более или менее важные материалы из этой антикитайской пропаганды были опубликованы в наших газетах. В частности, полный текст Открытого письма ЦК КПСС публиковался дважды и передавался по радио всему миру более чем на десяти иностранных языках. Всё это делалось для того, чтобы те, кого интересует нынешняя открытая полемика, могли ознакомиться со взглядами руководства КПСС. Мы не смогли полностью опубликовать все антикитайские статьи советской стороны лишь потому, что их было чрезвычайно много, причём большинство из них страдало однообразием, и наша печать не могла их все охватить. Наши издательства уже собрали все эти статьи и готовят их к выпуску в виде специальных сборников”.

Открытое письмо ЦК КПК советскому руководству от 14 июня 1963 года было напечатано в “Правде” лишь через месяц, и то после грандиозного скандала. 7 июля в Москву на межпартийные переговоры прибыла возглавляемая Дэн Сяопином делегация ЦК КПК, которая привезла с собой напечатанное в виде брошюр (на китайском и русском языках) письмо ЦК от 14 июня. Когда же китайцы начали раздавать эти брошюры своим студентам и знакомым советским коммунистам для информации, то КГБ стал изымать их как “антисоветскую пропаганду”. Члены делегации Дэн Сяопина оскорбились: это было равносильно объявлению их ЦК “антисоветским”. К тому же, хотя китайское руководство и давало опубликованным в Китае письмам ЦК КПСС нелестные комментарии, оно не изымало газет с ними. Оказавшись в крайне невыгодном положении, Хрущёв велел всё-таки напечатать письмо ЦК КПК в “Правде”, но сопроводил его Открытым письмом ЦК КПСС к первичным парторганизациям, весьма смахивающим на “инструкцию по прочтению” китайского письма. В общем, получилось всё довольно топорно и свело на нет переговоры. По мнению китайцев, они потеряли смысл, поскольку ещё до их завершения Хрущёв инструктировал членов своей партии в определённом духе.

Хрущёв потерпел поражение в полемике и по той простой причине, что последнее слово в ней осталось за китайцами, о чём тоже сегодня мало кто знает. Дискуссия 1963–1964 годов завершилась после падения Хрущёва пере-

довой статьёй в журнале “Хунци” от 21 ноября 1964 года “Почему Хрущёв ушёл со сцены”, на которую брежневский ЦК не стал отвечать — то ли в знак согласия, то ли не зная ответа (что теплее). Если бы её перепечатали в СССР, многие советские граждане не ломали бы голову над тем, в чём заключается загадочный “волюнтаризм”, вменённый в вину Хрущёву.

Но что же было дальше? Новая загадка. И эта загадка — отнюдь не в действиях китайцев. Они, узнав 14 октября 1964 года об отставке Хрущёва, сделали всё возможное, чтобы снова сблизиться с КПСС. Мао незамедлительно собрал Политбюро, на котором было принято решение послать поздравительную телеграмму Брежневу, Микояну и Косыгину от имени Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Чжоу Эньлая со следующим текстом: “Искренне надеемся, что братский советский народ под руководством КПСС и правительства СССР добьётся новых побед в работе по разным направлениям и в борьбе за мир на планете. Желаем сплочения двух партий и двух государств Китая и СССР на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма”. Стремление китайского руководства добиться улучшения отношений было налицо.

А что же новое советское руководство? В целом оно хотело примерно того же, но как-то пассивно и с “нюансами”. Бывший помощник Брежнева по внешнеполитическим вопросам А. М. Александров-Агентов писал в книге “От Коллонтай до Горбачёва” (М., 1994) о первом же обсуждении брежневским Политбюро китайской проблемы: “Все были в общем согласны, что отстранение Хрущёва может быть использовано для нормализации в той или иной степени отношений с Пекином. Но как это лучше сделать и до какой степени следует пойти навстречу Мао, никто толком не знал. Наиболее категоричен был Косыгин: надо сразу же предложить китайскому руководству откровенные переговоры, перечеркнуть тёмный период и восстановить прежнюю дружбу. “Мы — коммунисты и они — коммунисты, и не может быть, чтобы не смогли договориться, глядя друг другу в глаза!” — восклицал Косыгин. Против такой точки зрения выступил Андропов. Он говорил, что не всё так просто, что Мао хитёр и коварен и с СССР порвал не под влиянием эмоционального импульса, а вполне продуманно — в расчёте перехватить у КПСС главенствующую роль в мировом движении, а затем, может быть, наладить дела с Америкой. Русаков, насколько я помню, занимал срединную позицию, а Брежнев в основном осторожно отмалчивался. Но в общем все были согласны, что в отношении Китая какие-то позитивные шаги необходимы”.

Отметьте: Андропов уверял Политбюро, что Мао уже порвал с СССР. Между тем, все дальнейшие действия Мао и Чжоу Эньлая во второй половине октября 1964 года полностью опровергают это обвинение. Александров-Агентов пишет: “На празднование национального дня СССР — 7 Ноября — по приглашению нового руководства Союза в Москву прибыл премьер КНР Чжоу Эньлай — фактически вторая фигура в Пекине”. Но это неправда или полуправда. Советскому руководству вовсе не пришла в голову здравая мысль использовать праздник 7 Ноября для нормализации отношений с китайцами. Чжоу Эньлай никто не приглашал и никого вообще из соцлагеря не приглашали, поскольку дата была не юбилейной (47-я годовщина). Китайцы, забыв о гордости, на приглашение... запросились. Причём сделали это достаточно деликатно и конструктивно: в беседах с советским послом в КНР С. Червоненко 28 и 29 октября 1964 года Чжоу Эньлай предложил советскому руководству пригласить на торжества всех лидеров социалистических стран, включая Албанию, для “поиска солидарности”. Такие же беседы Чжоу Эньлай провёл с послами других социалистических стран в Пекине (албанцев, впрочем, ему убедить поехать в Москву не удалось). *Только после этого* руководители СССР направили приглашения китайцам и всем остальным.

В самом Китае 47-ю годовщину Октября начали широко праздновать уже 5 ноября, чего в предыдущие годы не случалось. 7 ноября в газете “Жэньминь жибао” вышла передовая статья под названием “Сплотимся под знаменем Великой Октябрьской революции”, а на следующий день газета опубликовала полный текст доклада Брежнева на торжественном собрании в честь 7 ноября. Несомненно, имелись все предпосылки для быстрого улучшения отношений уже в дни ноябрьских празднеств.

Но быстрого улучшения почему-то не хотела та часть брежневского окружения, которая разделяла точку зрения Андропова. Да и сам Брежнев не проявил той деликатности и конструктивности, что проявили Мао и Чжоу Эньлай. Китай-

ский источник свидетельствует: “6 ноября Чжоу Эньлай и Хэ Лун поочередно встретились с Леонидом Брежневым, Анастасом Микояным, Алексеем Косыгиным. Чжоу Эньлай и Хэ Лун выразил стремление китайской стороны к солидарности, намерение провести широкие контакты, кроме участия в праздничных мероприятиях, а также желание выступить с речью на праздничном торжестве. Но Леонид Брежнев вежливо отказался от этой просьбы, обосновывая свою точку зрения тем, что программа собрания не предусматривает выступления иностранных гостей. [...] На торжественном собрании во второй половине 6 ноября Леонид Брежнев в своём выступлении подчёркивал правильность курсов XX, XXI и XXII съездов КПСС, открыто заявив, что общие направления внешней политики СССР, установленные “решениями, принятыми на последних съездах компартии” и “Программой КПСС”, являются постоянными и неизменными”.

А ведь китайская делегация вовсе не требовала от КПСС немедленного пересмотра отношения к Сталину и корректировки хрущёвских принципов “мирного сосуществования” с империалистическим окружением, понимая щекотливость ситуации, в которой оказалось новое советское руководство. Напротив, Чжоу Эньлай просил перенести сроки созыва очередного Совещания коммунистических и рабочих партий, чтобы китайские участники, не включённые Хрущёвым 30 июля 1964 года в состав редакционной комиссии, от которой и зависела повестка дня и программные документы Совещания, могли принять полноценное участие в её работе. Забегая вперёд, скажем, что в задуманном Хрущёвым виде это Совещание так и не состоялось, вместо него была проведена 1–5 марта 1965 года в Москве консультативная встреча представителей 18 компартий (а первоначально планировалось 26). Совещание же как таковое произошло только в 1969 году, но без китайцев и албанцев. Брежнев, отказывая Чжоу Эньлаю в его просьбе, должен был предвидеть такое развитие событий, но он всё равно ему отказал. С самого начала визита делегации Чжоу Эньлая в Москву складывалось ощущение последовательного саботажа советской стороной китайских инициатив, даже таких невинных, как выступление с речью на торжестве.

А 7 ноября произошёл скандал. Вот как его описывает Александров-Агентов: “. . . во время праздничного банкета в Кремле к китайскому премьеру подошёл крепко подвыпивший министр обороны маршал Малиновский и во всеуслышание заявил: “Ну вот, мы своё дело сделали – выбросили старую галошу – Хрущёва. Теперь и вы вышвырните свою старую галошу – Мао, и тогда дела у нас пойдут”. Вне себя от возмущения, Чжоу Эньлай немедленно покинул банкет и сразу же улетел в Пекин. Отношения с Пекином были, конечно, подорваны”. Что касается Малиновского – это правда (если не считать, что, по другим источникам, он обозвал Мао не “галошей”, а “чёртом”), а вот насчёт немедленного ухода с банкета и отлёта Чжоу Эньлая в Пекин Александров-Агентов соврал. То ли ему изменила память, то ли он хочет свалить на одного Малиновского просчёты своих бывших хозяев. Официальная стенограмма переговоров китайской делегации с советским руководством 8 ноября (приводится ниже) свидетельствует, что в духе Малиновского на банкете высказывались также и маршал Захаров, и член Политбюро Кириленко, то есть пьяный Малиновский выражал не личное мнение, а некое коллективное. Причём версию о том, что они хотели таким образом настроить против Мао, переманить на свою сторону Чжоу Эньлая и других, я отметаю сходу, поскольку на банкете, с одной стороны, были американские корреспонденты, а с другой – в состав делегации входил лично преданный Мао глава спецслужбы КНР Кан Шэн. Разве советские руководители не знали об этом? А если знали, то, получается, сознательно провоцировали китайцев в надежде, что проявленная ими вдруг энергичная тяга к “сплочению” быстро пройдёт.

Но самое главное, Чжоу Эньлай не улетел в Пекин ни 7 ноября, ни 8-го, ни 9-го: несмотря на нанесённое китайскому вождю оскорбление, он находился в СССР аж до 13 ноября и продолжал вести непростые переговоры с брежневским Политбюро. И вёл их, очевидно, не по своей инициативе, а по воле того, кого Малиновский назвал то ли галошей, то ли чёртом, потому что в ночь с 7-го на 8 ноября Чжоу Эньлай из посольства сообщил Мао телексом об инциденте и запросил инструкций. Судя по тому, что Чжоу Эньлай был в СССР ещё почти неделю, он получил указание в случае получения извинений не прекращать переговоры с советской стороной. А нам ещё говорят о “непомерных” якобы амбициях Мао Цзэдуна! А ведь Чжоу Эньлай приехал

в Москву уже представителем ядерной державы! Всего три недели назад, 16 октября 1964 года, Китай провёл успешное испытание первой атомной бомбы. В стране царил огромный патриотический подъём. После оскорблений Малиновского Мао вполне мог встать в позу и сказать: “Ах, если вы так, то мы и без вас теперь проживём”, – но он не стал этого делать, пока оставалась надежда на восстановление китайско-советской дружбы.

В дальнейших переговорах ключевым стал, видимо, следующий эпизод: “В ходе ожесточённой дискуссии Анастас Микоян, наконец, не выдержал и сказал: “По вопросу разногласия с КПК мы ничуть не отличаемся от Хрущёва, даже без малейшей разницы”. “Раз между вами с Хрущёвым нет никакой разницы по отношению к разногласиям между Китаем и Советским Союзом, тогда о чём можно ещё говорить?” – в ответ отметил Чжоу Эньлай”. Китайский источник, сообщающий об этом, называется “Последний визит Чжоу Эньлая в СССР”, он размещён в интернете Центром изучения партийной истории при Комитете КПК провинции Хэбэй. Не доверять ему нет оснований, потому что содержащаяся в нём информация о других переговорах Чжоу Эньлая с советским руководством (8 ноября) полностью соответствует упомянутой мной советской стенограмме.

Когда после смерти Мао в 1976 году у престарелого Брежнева появилось желание всё-таки как-то договориться с китайцами, он понял, какая ошибка была совершена им в ноябре 1964 года. За прошедшие с этого времени годы “антимаоизм” стал неотъемлемой частью советской идеологии и внешней политики. Помня тогдашнюю пропаганду, я даже не могу уверенно сказать, какого врага изображали страшнее – американских империалистов или китайских маоистов. Всё-таки империалистов не называли фашистами, а маоистов – называли. То же самое происходило в Китае по отношению к СССР. Александров-Агентов писал (и на этот раз, я полагаю, абсолютную правду): “Корни взаимной вражды и недоверия, вызревавшие десятилетиями, были ещё слишком крепки. Кадры у обеих сторон – политические, идеологические, военные – воспитывались все эти десятилетия именно в таком духе. Мне, например, не раз приходилось быть свидетелем того, как отдельные попытки Брежнева уже в послемаоистский период найти какие-то пути к оздоровлению отношений с Китаем пресекались нашими “китаеведами” из аппаратов ЦК и МИД, которые длительное время специализировались на разоблачениях китайской политики и другого представить себе не могли. (...) Сопротивлялись Громыко, весь ещё в пылу “антикитайской инерции”, и десятилетиями оттачивавшие своё антикитайское политико-идеологическое оружие международники из аппарата ЦК КПСС, которым каждое доброе слово, обращённое к китайскому руководству, казалось кощунством”.

Но вернёмся в ноябрь 1964 года. За неделю с лишним пребывания в СССР Чжоу Эньлай и другие члены делегации сделали твёрдый вывод, что к власти в Москве пришли не антихрущёвцы, а, так сказать, “умеренные хрущёвцы”, которые будут *тихой сапой* и без хрущёвских эскапад проводить ту же политику в отношении КНР. Один из китайских лидеров Пэн Чжэнь даже заявил 25 мая 1965 года, что Хрущёв в известном смысле был предпочтительней брежневцев, потому что по своей непосредственности время от времени выбалтывал то, что у него на уме, а эти говорят одно, думая другое. Между прочим, Чжоу Эньлай на переговорах с руководством КПСС тоже интересовался, как и многие советские люди, что означает в политическом смысле “волюнтаризм” и “субъективизм” Хрущёва, но, как и советские люди, внятного ответа не получил.

Так и не дождавшись разъяснений насчёт Хрущёва от новых советских руководителей, китайцы высказали свою версию в передовой статье журнала “Хунци” “Почему Хрущёв ушёл со сцены” от 21 ноября 1964 года. В заключительных словах статьи всё ещё выражалась надежда на “солидарность” и “сплочение” КПК и КПСС: “Каждый волен выбрать свой путь. Но в одном мы глубоко уверены: история будет развиваться по законам, открытым марксизмом-ленинизмом, она будет идти вперёд по пути Октябрьской революции. Великая Коммунистическая партия Советского Союза и великий советский народ, имеющие революционные традиции, безусловно, внесут свой новый вклад в дело защиты великих завоеваний социализма, в дело защиты высокого авторитета первой социалистической державы, созданной Лениным, в дело защиты чистоты марксизма-ленинизма, в дело обеспечения успешного развития пролетарской революции.

Да здравствует сплочение международного коммунистического движения на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма!”

Но больше подобных слов в китайской печати уже не звучало. А когда в марте 1965 года всё же состоялась консультативная встреча лидеров 18 коммунистических партий в Москве без участия китайцев, зазвучали другие слова. В статье “Жэньминь жибао” “Исторический опыт антифашистской войны” от 9 мая 1965 года и в упомянутом выступлении Пэн Чжэня в Индонезийской академии имени Алиархама 25 мая 1965 года брежневцев уже критиковали так же резко, как и Хрущёва. Не помогли и встречи Косыгина в Пекине (по пути из Вьетнама) с Мао и Чжоу Эньлаем в феврале и апреле 1965 года. А может быть, даже и осложнили отношения. Видимо, в Москве в ноябре 1964 года был упущен момент, когда можно ещё было “договориться как коммунисты”, “глядя друг другу в глаза”. Ставка Косыгина на “откровенность” уже раздражала китайцев, особенно Мао. По воспоминаниям переводчика Ю. Галеновича, Косыгин прямо заявил Мао Цзэдуну: “Вашей борьбы против американского империализма не видно”. После этого Мао демонстративно “выключился” из беседы. Но его можно понять: даже если в 1965 году китайцы мало боролись против империализма, то ведь это они несли основные тяготы в большой войне с американцами в Корее (1950–1953). Замечание Косыгина было и неуместно, и несправедливо.

По свидетельству работника ЦК КПСС и китаеведа О. Рахманина, в 1966 году ЦК КПК в своём последнем письме советской стороне выдвинул требование “покончить с ревизионистскими и раскольническими ошибками, допущенными после XX и XXII съездов КПСС и октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС” и дать “обещание никогда не допускать таких ошибок”. По иронии судьбы, к 1966 году советское Политбюро уже само прекратило критику Сталина в печати и не особенно дорожило хрущёвской Программой XXII съезда о “построении основ коммунизма” к 1981 году, понимая её утопичность. В отличие от ситуации ноября 1964 года, ничего, в сущности, не мешало ЦК КПСС вести переговоры с ЦК КПК на основе положений его письма, если бы не их ультимативность и резкость оценок, которых, опять же по иронии судьбы, не было в ноябре 1964-го... Что ж, “всякому овощу своё время”, как сказал о Хрущёве и Мао на знаменитом банкете в Кремле маршал Захаров.

А потом в Китае началась “Великая пролетарская культурная революция”, идея которой была сформулирована так: “Величайший урок истории диктатуры международного пролетариата состоит в том, что в первом социалистическом государстве – Советском Союзе – партийное и государственное руководство узурпировано ревизионистской кликой и осуществилась реставрация капитализма. То же самое произошло и в некоторых других социалистических странах. Именно обобщив исторический опыт диктатуры международного пролетариата, наш великий вождь Председатель Мао Цзэдун поднял сотни миллионов масс на проведение этой беспрецедентной в истории Великой пролетарской культурной революции. Это самая надёжная гарантия того, что наша партия и наша страна никогда не изменят свой цвет”.

Тут можно поспорить насчёт “никогда”: положим, цвет-то они и впрямь до сих пор не изменили, но реставрацию капитализма под красным флагом всё-таки совершают. Только ведь флаг они сохранили именно благодаря “Великой пролетарской культурной революции”. А что такое флаг? Флаг означает очень многое. Не означал бы, так Ельцин у нас его не убирал бы. Если ветер с Востока снова начнёт одолевать ветер с Запада, если появится историческая необходимость вернуться к ортодоксальному социализму, китайцы без особых усилий к нему вернуться, а мы – только через новую резню.

Ныне китайцы оценивают деятельность Мао Цзэдуна по той же самой формуле, которую он сам применял по отношению к Сталину, говоря, что он ошибался только на 30 процентов, а на 70 процентов был прав (при этом Мао предсказывал, что в будущем историки снизят процент ошибок Сталина до десяти).

Но почему Мао, не склонный превозносить другие авторитеты, сохранял такой пиетет перед Сталиным? Думаю, он считал, что в число 70 процентов заслуг Сталина входит его отношение к КНР и, в частности, к нему самому. Это было то, чего не умели ни Хрущёв, ни Брежнев. Сталин получал не меньше “компромата” на Мао, чем они (самый известный – “папка Гао Гана”, партийного руководителя Маньчжурии). Но он, сверхподозрительный человек,

вёл себя с Мао совсем иначе, чем Хрущёв и Брежнев, понимая, что Мао — самый значительный коммунистический деятель Китая. Он простил ему даже “ревизионистскую” фразу в Программе КПК 1945 года: “КПК во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна” (а Хрущёв, кстати, не простил). В день своего 70-летия Сталин снял с руки часы и отдал их Мао: теперь, мол, твоё время пришло. Это была не первая и не последняя метафора Сталина в отношениях с младшим китайским товарищем: он вообще воспитывал Мао в подобном духе. Несмотря на оказанную Мао честь (его поселили в декабре 1949 года на сталинской даче в Кунцеве), после юбилея он ждал приёма у Сталина три недели и за это время не видел его ни разу, хотя жил на втором этаже, а Сталин — на первом. Тогда, по воспоминаниям Мао, он не выдержал и заскандалил: я, дескать, руководитель самой большой по населению страны и вождь самой большой в мире компартии, подавайте мне Сталина, не то уеду домой! Сказано-сделано: вскоре встреча со Сталиным состоялась. А утром официантка, которая несла наверх кофе для Мао, чуть не уронила поднос, увидев у лестницы хотя и не призрак, но и едва ли реальность — седого как лунь Сталина в мундире генералиссимуса. Он молча стоял, глядя на неё исподлобья. И это в такую-то рань, хотя, как известно, раньше полудня он никогда не вставал! Дальше Сталин повёл себя ещё более необычно, если не сказать неприлично. Он вдруг отобрал у официанта поднос, пробормотав: “Я сам отнесу”, — и понёс кофе Мао Цзэдуну на второй этаж — в постель, так сказать.

Что здесь правда, а что — нет, я не знаю, это версия, изложенная самим Мао. Он, видимо, был так поражён этой чисто китайской метафорой “обуздания гордости”, что даже “понизил” себя в росте по отношению к Сталину на первой китайской марке, изображавшей их рукопожатие (имеется в Википедии в статье о Мао Цзэдуне). На марке Мао чуть ниже Сталина, хотя хорошо известно, что он был значительно выше.

В Википедии есть ещё одно уникальное фото — встречи осенью 1961 года Мао и Пу И, последнего императора Китая и Маньчжоу-Го. Это всё равно, как если бы Сталин дружески встретился с выжившим Николаем II. Мао и Пу И на снимке улыбаются: особенно искренне Мао, кажущийся по сравнению с тщедушным Пу огромным. Подобострастная улыбка отставного императора кажется менее искренней: наверное, при других условиях он бы с удовольствием порезал Мао на кусочки. Из тюрьмы он его не выпустил бы точно. Пу И с 1950-го по 1959 год совершенно справедливо отбывал наказание в лагере перевоспитания как военный преступник, сотрудничавший с японскими оккупантами, и был освобождён по амнистии к 10-летию КНР. А он ещё не хотел возвращаться в Китай, когда сидел в советском лагере для военнопленных под Хабаровском! Просил в письме Сталину в 1949 году: не передавайте меня властям красного Китая, я изучаю труды Маркса и Ленина в лагерной библиотеке, и они производят на меня глубокое впечатление. Но Сталин всё же отправил Пу И китайцам, резонно рассудив, что на родине знание Маркса и Ленина ему теперь не помешает. Пу И, наверное, очень боялся, что в Китае его расстреляют, между тем как бояться следовало, что его оставят в СССР. У нас военных преступников такого ранга, как правило, приговаривали к расстрелу. Пу И повезло. Выйдя через девять лет из лагеря Фушунь, он предстал перед людьми вовсе не тем бедолагой, каким его изобразил Бертолуччи в фильме “Последний император”. Да, действительно, какое-то время после освобождения Пу И поработал садовником в Ботаническом саду Академии наук КНР, но вскоре за глубокое знание Маркса и Ленина его назначили архивариусом в Национальную библиотеку. Бертолуччи нам врёт, что Пу И был бедным садовником в 1966 году, во время “культурной революции”. К тому времени он являлся не просто архивариусом, а членом Политико-консультативного совета КНР (с 1964 года), где и получал зарплату. Когда в 1967 году Пу И умер от рака печени, прах его был захоронен на правительственном кладбище Бабаошань в Пекине, среди коммунистических чиновников высокого ранга. И это в разгар “культурной революции”! Один из братьев Пу И, Пужэнь, до сих пор живёт в КНР и пользуется большим уважением. Но, как вы понимаете, это рассказ вовсе не о Пу И, а о Мао Цзэдуне, о его отношении к национальной истории, реальными персонажами которой были Пу И и Пужэнь.

С 1965-го по 1976 год Мао не был другом нашей страны. Но это не столько его вина, сколько вина Хрущёва и Брежнева, как мы установили выше.

Если Александр Лукашенко, не дай Бог, перестанет быть другом России, то по тем же причинам, по которым это вынудили сделать Мао. Но он был прав в своих воззрениях на Сталина, Хрущёва и Брежнева на 70 процентов, а может быть, и на 90. Как говаривал Председатель Мао: “историки будущего уточнят эти расчёты”.

Ниже материалы для таких расчётов – впервые публикующийся у нас уникальнейший документ советско-китайских отношений 50-летней давности.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ тт. БРЕЖНЕВА Л. И., КОСЫГИНА А. Н., МИКОЯНА А. И., АНДРОПОВА Ю. В., ГРОМЫКО А. А. С ЧЛЕНАМИ ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ КНР, ВОЗГЛАВЛЯЕМОЙ ТОВ. ЧЖОУ ЭНЬЛАЕМ

8 ноября 1964 г<ода>

До начала обеда в особняке китайской делегации Чжоу Эньлай проявил инициативу побеседовать по некоторым вопросам.

Тов. Чжоу Эньлай. В качестве первого вопроса нашей беседы я хотел бы попросить тов. Брежнева рассказать, как решено поступить с текстом нашего письменного приветствия. Вы мне говорили о том, что, посоветовавшись с вашими товарищами, скажете мне об этом.

Тов. Брежнев Л. И. Мы дадим вам ответ по этому вопросу. Поскольку товарищи из некоторых других делегаций тоже выражали желание выступить с приветствием, было такое мнение: издать сборник, включающий все приветствия. Возможен и другой вариант. Мы обменяемся мнениями по этому вопросу и ответим вам.

Одновременно хотел бы поблагодарить за тёплое приветствие, полученное нами от тт. Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Чжоу Эньлая, которое уже опубликовано в нашей печати.

Тов. Чжоу Эньлай. Хорошо. Второй вопрос, которого я хочу коснуться, носит более серьёзный характер. Как вы знаете, наша партия и правительство направили в Москву делегацию во главе со мной для того, чтобы выразить чувство дружбы и принять участие в торжествах по случаю 47-й годовщины Октябрьской революции. Вы также подтвердили мнение о том, что этот приезд является дружественным актом.

Тем не менее, вчера на приёме в Кремлёвском дворце съездов, где присутствовали, в частности, журналисты из западных стран, министр обороны СССР т. Малиновский публично обратился ко мне с оскорбительными и провокационными вопросами. Сначала он заявил мне о том, чтобы мы, китайцы, не занимались бы фокусами в политике. Я понял смысл того, что хочет сказать т. Малиновский, и решил перевести разговор на другую тему. Я сказал ему, что эти фокусы – вещь простая, надо открыть кулисы и их можно увидеть. Однако т. Малиновский на этом не остановился и пошёл ещё дальше. *Он заявил о том, что мы не должны позволять никакому чёрту замутить наши отношения.* Я не успел спросить т. Малиновского, какого чёрта он имел в виду, как он продолжал говорить о том, что советский и китайский народы хотят счастья, и пусть никакие Мао и Хрущёвы нам не мешают.

Вопрос ясен: это провокация и оскорбление. Я не поддался на провокацию и, повернувшись в другую сторону, хотел уйти, так как буквально рядом с нами стояли американские корреспонденты и слушали. В это время подошли другие советские маршалы, а т. Малиновский продолжал говорить. Однако я его не слушал, и мой переводчик не переводил. Но другой переводчик слышал сказанное т. Малиновским. Тов. Малиновский, по существу, заявил: мы в Советском Союзе свергли Хрущёва, а теперь вы свергайте Мао Цзэдуна. Затем т. Малиновский продолжил разговор с т. Хэ Луном. Он сказал т. Хэ Луну, что у него красивая маршальская форма. На это т. Хэ Лун заметил, что лучше носить френч. Тов. Малиновский согласился с этим и добавил, что лучше носить телогрейку, а затем заявил: “Эту нашу форму на нас насобачил Сталин, а вашу форму на вас насобачил Мао”.

Тов. Хэ Луном было сказано, что говорить подобным образом – это ошибочно и неправильно.

Я, – продолжал Чжоу Эньлай, – уже говорил т. Микояну, что лично я слышал лишь первую часть этих высказываний т. Малиновского, где он говорил о том, чтобы никакие Мао и Хрущёвы нам не мешали. Я бы мог поступить и по-другому: ответить т. Малиновскому и продолжить наш разговор, что наверняка вызвало бы потрясение у всех присутствующих. Так должен был бы поступить на моём месте любой честный коммунист, тем более, – подчеркнул Чжоу Эньлай, – что речь идёт об оскорблении нашей делегации, нашей партии, вождя китайского народа, а также и оскорблении меня лично.

Если бы я пошёл на такой шаг, то с моей стороны это был бы нормальный, справедливый и необходимый поступок. Конечно, можно было бы предпринять и другой шаг – обратиться к руководящим товарищам КПСС и Советского правительства с серьёзным протестом вчера же на приёме. Тогда, по-видимому, возник бы спор, так как возникла бы необходимость выяснить все обстоятельства на месте. Мы как коммунисты имели право поступить и таким образом. Однако мы не приняли этих мер, поскольку указанный инцидент имел место сразу после выступления с тостом т. Малиновского, в котором он критиковал американский империализм. Затем т. Малиновский стал обходить всех присутствующих, а я подошёл к советским маршалам, чтобы предложить выпить за дружбу наших двух народов и за дружбу между нашими армиями. В этот момент т. Малиновский и выступил со своим оскорбительным провокационным заявлением. Если бы мы сразу дали ему отпор, то тем самым это явилось бы хорошей “пищей” для корреспондентов западных империалистических стран.

Мы постоянно заявляли, что надо очень осторожно подходить и продумывать действия, которые могут радовать врагов и огорчать друзей. Что имел в виду т. Малиновский и как понимать его оскорбительное обращение к нам сразу после того, как он выступил с резкой критикой американского империализма? Вполне ясно, что такое заявление по адресу партийно-правительственной делегации КНР практически аннулировало смысл его выступления с тостом. Это – “хрущёвщина”. Я сам видел, как американский посол с улыбкой наблюдал за выступлением т. Малиновского. Затем, как сказал мне т. Микоян, вы обменивались мнениями по поводу тоста т. Малиновского и пришли к выводу, что он выражался чересчур остро.

Тов. Микоян А. И. Это я вам сказал о своей точке зрения.

Тов. Чжоу Эньлай. Подобные выступления показывают лишь слабость перед врагами. Так поступал Хрущёв. Но американские империалисты видели его насквозь. Мы же как ваши союзники испытывали в этой связи горечь. Я вспоминаю, как в 1954 году, когда после Женевского совещания меня пригласили в Советский Союз, в выступлениях Хрущёва проявлялась то слабость, то твёрдость. Но американские империалисты видели его насквозь. Это лишь принесло ущерб авторитету Советского Союза. Высказывания т. Малиновского носили оскорбительный для китайского народа, китайской компартии и её вождя характер.

Такова первая причина, в силу которой я не дал отпор высказываниям т. Малиновского сразу на месте. Если бы на его месте был Хрущёв, то я сделал бы это сразу. Однако это был т. Малиновский. Мы приехали к вам, чтобы передать наше поздравление и выразить дружественные чувства. Если бы это была внутренняя беседа или дело происходило на приёме с участием только представителей братских партий, я бы сразу дал отпор. Однако это произошло на приёме с участием широкого круга приглашённых, поэтому я решил воздержаться и рассказать об указанном инциденте сегодня. Это не фокусы. Именно так должны подходить к решению таких вопросов коммунисты. Вторая причина, почему я сразу не дал отпор высказываниям т. Малиновского, заключается в том, что я хотел выяснить все детали. На приёме я не спрашивал у т. Хэ Луна, чем кончился разговор с т. Малиновским, а узнал об этом позже.

Тов. Брежнев Л. И. Для нас это тоже новость. Мы не знали деталей.

Тов. Чжоу Эньлай. Если бы я стал выяснять все обстоятельства на приёме, то это привлекло бы всеобщее внимание. Вторая причина заключается также ещё и в том, что этот вопрос не решить с помощью какого-то протеста. Характер и значение этого вопроса более серьёзны, чтобы реагировать только протестом. Вернувшись с приёма и изучив все обстоятельства, я пришёл к выводу, что это вопрос не только одного т. Малиновского. Такие мысли имеются не только у него одного. Я имею в виду товарищей в вашем ЦК. Поэтому

сегодня я решил официально поставить вопрос перед тремя руководителями КПСС и Советского правительства и надеюсь, что он будет решён. Как это надо понимать? Неужели одна из целей вашего согласия на приезд нашей делегации состоит в том, чтобы нас здесь публично оскорблять и провоцировать? Далее. Можно ли считать, что, как об этом говорил т. Малиновский, вы рассчитываете на то, чтобы мы поступили с Мао Цзэдуном так же, как вы с Хрущёвым, сняв его с занимаемых постов? Об этом говорил другой советский маршал, который вчера нам заявил: всякому овощу свое время.

Тов. Микоян А. И. Какой маршал?

Тов. Чжоу Эньлай. Лично я не слышал этого высказывания.

Тов. Брежнев Л. И. Может быть, это не относилось к Мао Цзэдуну?

Тов. Чжоу Эньлай. В разговоре шли параллельно две мысли: о снятии Хрущёва и о желании снять Мао Цзэдуна. Можно было понять эти высказывания как подстрекательство к смещению Мао Цзэдуна. Но на этот счёт я не уверен.

Тов. Хэ Лун. За нашими спинами близко стояли два американских корреспондента.

Тов. Чжоу Эньлай. Если кто-либо строит такие планы, то это тщетные попытки и иллюзии. Это ни на йоту не ущемляет авторитета т. Мао Цзэдуна, но это величайшее оскорбление и провокация для китайского народа и Компартии Китая. Разве это может способствовать улучшению отношений между двумя партиями и двумя странами? Это может привести лишь к ухудшению отношений между ними. В-третьих. Можно ли так понять, что в ЦК КПСС имеется точка зрения, согласно которой принципиальные разногласия и споры между нашими двумя партиями сводятся к личным спорам между двумя руководителями — Мао Цзэдуном и Хрущёвым, а также к личному характеру и личным качествам этих двух руководителей? Так утверждают империалисты. Но такой вывод напрашивается из высказываний т. Малиновского. Именно поэтому я и должен был официально поставить эти вопросы в беседе с руководителями КПСС и Советского правительства. Этот вопрос необходимо разрешить, иначе о чём мы можем дальше беседовать?

Тов. Брежнев Л. И. Прежде всего, хотел бы сказать от имени Президиума и ЦК КПСС, что мы удовлетворены тем, что ЦК КПК решил послать такую представительную делегацию во главе с т. Чжоу Эньлаем в Москву. Мы это расценили как весьма важный факт и дали согласие на ваше предложение. При обсуждении этого вопроса на Президиуме и вплоть до сегодняшнего дня у нас было только положительное отношение к вопросу о приезде вашей делегации. Мы рассматриваем это как важный шаг в деле установления контактов для улучшения отношений по партийной и государственной линиям. При рассмотрении этого вопроса на Президиуме т. Малиновский не участвовал, поскольку он не является ни членом, ни кандидатом в члены Президиума.

Тов. Микоян А. И. При обсуждении не присутствовал ни один маршал.

Тов. Брежнев Л. И. Мы руководствовались интересами укрепления дружбы между КПК и КПСС и намерены руководствоваться этим в дальнейшем. Хочу подчеркнуть ещё раз, что мы расцениваем решение ЦК КПК о направлении делегации в Москву как очень важный шаг, который будет способствовать нормализации обстановки, преодолению имеющихся разногласий. Таково наше отношение к приезду вашей делегации. Вчера поздно вечером от т. Микояна я узнал о первой части вашего разговора с т. Малиновским.

Тов. Косыгин А. Н. Я тоже вчера узнал об этом факте, который вызвал у нас возмущение.

Тов. Брежнев Л. И. Поскольку разговор у нас проходит в духе полной откровенности, я могу сказать, что этот факт нас возмутил. Заявление т. Малиновского не только не отражает мнения ЦК КПСС, но вообще он не имел права даже собственное мнение выражать в подобной форме. Мы признательны т. Чжоу Эньлаю за такт, который он проявил на приёме в связи с заявлением т. Малиновского, а также за откровенность, с которой вы высказались по этому вопросу.

Сегодня я позвонил т. Малиновскому по телефону и спросил его о беседе с т. Чжоу Эньлаем. Тов. Малиновский пояснил, что он не хотел ничего другого, как выразить заботу об укреплении дружбы между нами, и сказал при этом, что смена руководства способствует улучшению отношений. Он согласился, что, возможно, неудачно сформулировал свою мысль, и в связи с этим готов

принести личные извинения. Что касается сказанного вами о том, что это мнение т. Малиновского отражает мнение ЦК КПСС, то мы хотим вам заявить, что это не так. Разумеется, если бы это хоть в какой-либо степени отражало мнение нашего руководства, то вы могли бы рассматривать это как оскорбление т. Мао Цзэдуна, ЦК КПК и вашей делегации. Но повторяю, что это совсем не так. Просто человек выпил и в нетрезвом виде неудачно сказал.

Нам известны настроения наших маршалов и руководителей Министерства обороны. Они хорошо относятся к Народно-освободительной армии Китая, китайскому народу и КПК. Такого мнения, например, придерживаются тт. Чуйков, Соколовский, Захаров и другие. И если реплику “всякому овощу своё время” бросил т. Захаров, то могу уверенно сказать, что она относилась только к т. Хрущёву.

Тов. Чжоу Эньлай. Я не могу с определённой уверенностью сказать, чьи это слова. Тов. Захарова я хорошо знаю. С ним я работал более года в Пекине.

Тов. Брежнев Л. И. В разговоре со мной т. Малиновский сказал, что его неточно поняли, но он всё равно готов принести официальное извинение. Я думаю, что он принесёт официальное извинение. Мы выражаем сожаление, что имел место такой факт. Думаю, что вы должны нам в этом поверить и это не должно помешать нашей совместной работе, которая имела в виду.

Тов. Чжоу Эньлай. Этот вопрос носит особо серьёзный характер потому, что он возник на таком широком приёме, какой состоялся вчера по случаю 47-й годовщины Октябрьской революции. Кроме того, это заявление сделал не кто иной, как министр обороны, причём после своего тоста, в котором он осудил американский империализм. Это не могло не вызвать у меня соображений, которые я изложил. Что касается заявления о том, что т. Малиновский выпил и сказанное им не отражает его чувств, то это лишь подтверждает мои сомнения.

Мы – марксисты и сторонники диалектического материализма. Бытие определяет сознание. Если бы у него не было в голове таких мыслей, то он не смог бы их высказать. У нас есть пословица: “Выпивши говорят правду”. Я тоже люблю иногда выпить. Однажды Хрущёв напоил меня допьяна. Вы можете поинтересоваться об этом у Молотова, правда, он сейчас уже не работает министром иностранных дел, или у сопровождавшего меня т. Федоренко. Я был тогда абсолютный пьян, но ни о чём подобном не говорил. Если бы у человека в голове не было бы таких мыслей, то он не мог бы их высказать, а т. Малиновский вчера говорил логично и по порядку. Почему же со мной этого не произошло? Тов. Федоренко ещё жив и работает, и можно через т. Громыко проверить, так ли это.

Тов. Микоян А. И. Мы с вами выпили, но ничего такого не произошло.

Тов. Чжоу Эньлай. Как министр обороны, он не может так объяснять свои действия. Наш бывший министр обороны Пэн Дэхуай допустил по отношению к корейским товарищам великодержавно-шовинистическую ошибку, и мы сняли его за это. Я не вмешиваюсь в ваши внутренние дела. Что касается Пэн Дэхуая, то он действительно допустил великодержавно-шовинистический подход и пытался вмешаться во внутренние дела КНДР. Как вы помните, в 1956 году наши товарищи вместе с т. Микояном ездили в Корею в связи с этим делом.

Тов. Микоян А. И. Пэн Дэхуай добивался смены Ким Ир Сена.

Тов. Чжоу Эньлай. Мы тоже пришли к выводу, что Пэн Дэхуая надо снять с работы, а Хрущёв не разделял этого нашего мнения.

Тов. Микоян А. И. Нет, в этом отношении он разделял вашу точку зрения о Пэн Дэхуае. Хрущёв поддерживал Пэн Дэхуая в связи с его письмом в адрес ЦК КПК.

Тов. Чжоу Эньлай. Не будем касаться этого вопроса. Выяснив, что Пэн Дэхуай хотел вмешаться во внутренние дела корейских товарищей, мы сочли это одной из его серьёзных антипартийных ошибок, у него были и другие серьёзные ошибки. Поэтому мы не раз разъясняли корейским товарищам, что Пэн Дэхуай допустил ошибку и должен нести ответственность за неё. Я привёл пример из нашей практики. Что касается того, как братская партия поступит с ошибками своих товарищей, то это ваше дело. Я не буду этого касаться.

Тов. Брежнев только что говорил: “Во-первых, товарищи из Президиума обменивались мнениями по поводу высказывания т. Малиновского, то есть

ещё до того, как я изложил все обстоятельства, и вы заявили, что в ЦК и Президиуме не было таких мыслей, которые выразил т. Малиновский”.

Тов. Микоян А. И. На последнем Пленуме ЦК КПСС их тоже не было.

Тов. Косыгин А. Н. Вы могли видеть это и по настроению нашего народа, ведь вас везде тепло встречали.

Тов. Чжоу Эньлай. Во-вторых, т. Брежнев сказал о том, что по заявлению самого т. Малиновского, последний неудачно выразился. Я принимаю во внимание заявление т. Брежнева из этих двух пунктов. Вместе с тем я оставляю за собой право на то, что наша делегация, обсудив этот вопрос, вернётся к нему в другой раз.

Тов. Брежнев Л. И. Мы хотим, чтобы вы нам верили, это не моё личное мнение, а мнение Президиума ЦК КПСС.

Тов. Чжоу Эньлай. Делегация обсудит эти обстоятельства и выскажется.

Тов. Микоян А. И. Когда т. Чжоу Эньлай рассказал мне о разговоре с т. Малиновским, я, зная мнение Президиума, немедленно осудил высказывания т. Малиновского.

Тов. Брежнев Л. И. Я узнал об этом разговоре, когда уже провожали гостей с приёма.

Тов. Микоян А. И. Если бы у нас было подобное мнение, то я не стал бы сразу осуждать высказывания т. Малиновского.

Тов. Косыгин А. Н. Сегодня идёт ответственный разговор. Поскольку вы поставили серьёзный вопрос, то мы хотим сказать, что вы при обсуждении его у вас в делегации должны учесть, что сказанное т. Малиновским никакого отношения к нам не имеет. Мы официально заявили вам мнение нашего ЦК. Мы полностью на 100 процентов присоединяемся к тому, что сказал т. Брежнев, и вы можете нам поверить. Конечно, вокруг этого вопроса можно многое нагнетать. Мы ни в какой степени не оправдываем т. Малиновского и возмущены. Я хотел бы не в оправдание т. Малиновского привести один пример. Мы вместе с т. Малиновским стояли на трибуне Мавзолея В. И. Ленина и говорили о разногласиях с Компартией Китая, то есть по вопросу, который нас волнует. Тов. Малиновский говорил мне, что он лично и все советские маршалы рады приезду делегации КПК и предпринимаемым усилиям на пути к устранению разногласий. Я был уверен, что он на все сто процентов согласен с мнением нашей партии о развитии контактов с Компартией Китая. Для нас явилось неожиданностью сказанное им в разговоре с вами. Вы, наверное, заметили, что он и тост произносил в возбуждённом состоянии и наговорил того, чего говорить не следовало.

Тов. Чжоу Эньлай. В отношении врагов это можно делать.

Тов. Косыгин А. Н. Я излагаю вам тонкости, нюансы. Мы сами ищем объяснения, чтобы всё взвесить.

Тов. Чжоу Эньлай. Тов. Косыгин просит обратить внимание на то, что ЦК КПСС официально опровергает заявление т. Малиновского. Но я хочу откровенно сказать, что я уверен, если бы я вступил с т. Малиновским в разговор, то он наговорил бы мне ещё больше.

Тов. Микоян А. И. Он и так достаточно наговорил.

Тов. Чжоу Эньлай. Я решил не обращаться на это внимания.

Тов. Брежнев Л. И. Мы это ценим.

Тов. Кан Шэн. Я не присутствовал при разговоре с т. Малиновским. И когда после приёма т. Чжоу Эньлай мне о нём рассказал, я был очень удивлён.

Тов. Брежнев Л. И. Мы тоже были удивлены.

Тов. Кан Шэн. Это напомнило мне события, имевшие место около пяти лет назад на приёме в честь участников совещания Политического Консультативного Комитета стран – участниц Варшавского договора, когда Хрущёв оскорбил т. Мао Цзэдуна. Я не удивился словам Хрущёва, когда он оскорблял наших товарищей, так как знал, что он может городить чепуху. Но я был очень огорчён тем, что произошло, в условиях, когда Хрущёва сняли и когда мы приехали поздравить вас с праздником.

Мы, конечно, привыкли к различным оскорблениям в адрес КПК и т. Мао Цзэдуна со стороны людей разных мастей. Это не принесёт никакого ущерба КПК и т. Мао Цзэдуну. Но меня сильно обеспокоило то, что с таким заявлением прямо руководителю нашей делегации выступил т. Малиновский. Мы все стремимся к устранению разногласий, сплочению перед врагами. Разве

такое заявление в присутствии американских корреспондентов может принести пользу делу сплочения наших рядов? Мы приехали с намерением улучшить наши отношения по партийной и государственной линиям. Заявление с оскорблением нашего руководителя не принесёт этому пользы. Я верю, что советский народ тепло, одобрительно относится к приезду нашей делегации, что он не позволил бы сделать такие заявления. И если я повторил то, что уже было здесь сказано, то я сделал это потому, что я вспоминаю свою вчерашнюю беседу с т. Кириленко. В то время, когда т. Малиновский беседовал с т. Чжоу Эньлаем, со мной беседовал т. Кириленко. Тов. Кириленко так характеризовал меня: “Вы, тов. Кан Шэн, были хорошим другом советского народа, а сейчас являетесь плохим другом”. Я, конечно, не хотел спорить с т. Кириленко, и ответил ему так: “Я был, есть и буду хорошим другом советского народа”. Если бы мы не являлись хорошими друзьями советского народа, мы бы не приехали к вам. Что касается оскорблений в мой адрес, то каждый раз, когда я приезжал сюда к вам, я слышал их со стороны Хрущёва. Каждый раз я давал отпор этим оскорблениям. Но вчера т. Кириленко заявил, что я не являюсь хорошим другом советского народа, и мне это было очень неприятно. Я не хотел спорить. К нам подошёл т. Андропов, и мы разошлись.

Тов. Чжоу Эньлай. Мы решили обсудить этот вопрос сегодня.

Тов. Брежнев Л. И. Когда мы приглашали вашу делегацию, мы руководствовались самыми хорошими побуждениями. Они отражают мнение всего нашего коллектива. У нас не было по этому вопросу никаких разногласий.

Нас глубоко огорчает то, что сказал т. Малиновский, и новые обстоятельства – о беседе т. Кан Шэна с т. Кириленко. О последней я ничего не могу сказать, поскольку ничего об этом не слышал. Мы хотим, чтобы вы с доверием и уважением отнеслись к мнению руководства КПСС.

Наше решение о приглашении китайской делегации было искренним и открытым. Мы сообщили о нём всем братским партиям социалистических стран ещё до вашего приезда в Москву. Это тоже выражение нашей дружбы с КПК.

Тов. Чжоу Эньлай. По этому вопросу я могу сказать так: я принимаю к сведению мнение т. Брежнева из двух пунктов, добавление тт. Косыгина и Микояна, а также только что сказанное т. Брежневым. Мы должны со всем вниманием отнестись к мнению т. Брежнева как первого секретаря ЦК КПСС и как к мнению Президиума ЦК вашей партии.

Тов. Брежнев Л. И. Мы признательны т. Чжоу Эньлаю за такой подход к делу и просим передать ЦК КПК, что в наших отношениях с вами мы хотим быть искренними. Какую бы горькую правду нам ни приходилось говорить друг другу, мы будем искренними и честными. Я хочу положить начало этому в сегодняшней беседе.

Тов. Чжоу Эньлай. В начале беседы я излагал вам мысли и варианты возможных шагов с нашей стороны в связи с высказываниями т. Малиновского. Теперь я предлагаю перейти к вопросу о порядке нашей встречи. Мы предлагаем встретиться несколько раз, может быть два-три раза. Всё зависит от вашего времени.

Тов. Брежнев Л. И. Если потребуется провести несколько встреч, то мы готовы к этому.

Тов. Чжоу Эньлай. Может быть, для начала мы договоримся о проведении двух-трёх встреч. В случае надобности, их можно будет продолжить. Время проведения этих встреч зависит от вас.

Тов. Брежнев Л. И. Дело в том, что делегации некоторых братских партий тоже хотят встретиться с нами по своим вопросам. Мы постараемся сделать так, чтобы это не помешало нашим переговорам.

Тов. Чжоу Эньлай. Мы понимаем вас. Может быть, сейчас мы пообедаем, а если вы завтра сможете, то мы проведём встречу. С нашей стороны никаких трудностей нет.

Тов. Брежнев Л. И. Завтра мы устраиваем приём в честь иностранных делегаций, прибывших на празднование 47-й годовщины Октябрьской революции. Обстановка не позволит вести там деловые разговоры.

Тов. Кан Шэн. У нас есть горький опыт – все наши неприятности с вами начинались во время обедов.

Тов. Косыгин А. Н. Давайте теперь сделаем наоборот.

Тов. Чжоу Эньлай. Мы просили бы вас сообщить нам сегодня вечером о времени завтрашней встречи.

* * *

После беседы состоялся обед, на котором присутствовали все участники встречи.

Тов. Чжоу Эньлай и члены делегации КНР старались создать тёплую атмосферу, предложили тосты за дружбу и сплочённость наших партий, за руководство КПСС и Советское правительство.

В ходе беседы т. Чжоу Эньлай рассказал, что народнохозяйственный план КНР на 1965 год утверждён в сентябре с. г. в ЦК КПК и правительстве КНР и будет представлен на рассмотрение 1 сессии ВСНП третьего созыва в конце декабря с. г. В остальном беседа носила протокольный характер.

На беседе присутствовали члены партийно-правительственной делегации КНР: тт. Хэ Лун, Кан Шэн, Лю Сяо, У Сюцюань, Цяо Гуаньхуа, Пань Цзыли, советник делегации Яо Чжэнь, четыре китайских переводчика, а также зав. сектором Отдела ЦК КПСС т. Рахманин О. Б., переводчики Кудашев Р. Ш. и Рогачев И. А.

*Беседу записали тт. КУДАШЕВ и РОГАЧЕВ
РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 562. Л. 25–37.
Подлинник. Машинопись.*